

Как в «другое» пространство заходишь в Культурный центр Вампилова. Улица, арка, поворот, почти питерский миниатюрный закоулок, такой, в каких обычно прячутся культурные чудеса. И сразу чувство, что место-то не простое – особое. Чтобы попасть сюда, нужно быть «своим» или знакомым со «своими» – нам посчастливилось. Лестница в зал наверх, не по горизонтали, как в театрах Возрождения, – путь к духовности. Нас встречали, показывали гардеробную, улыбались, радовались встрече. А мы – в ответ, и это уже было началом постановки, ведь мы знаем от Станиславского, что театр начинается с вешалки. Получила билет, смотришь и понимаешь – для памяти. И Центр, и постановка, каждая улыбка и доброе слово, и билет – все, чтобы помнили.

Заходим в зал: слева – выставка, прямо – сцена. На сцене стоят, лежат, собираются в домики, в стопки, в горку книги. И тут про память. Для нас все сюрприз и неожиданность – «Писательский маршрут геолога Машкина». И я вспоминаю это имя... Сознательный свой возраст – университетские годы (до того так детство в окружении почивших классиков) – провела в Томске. А затем в школьной программе новый предмет «Литературная Сибирь», и нам, учителям русской литературы, без КТП и методичек дали его преподавать... Да, определенно там был Машкин, и самое большое произведение 5 класса «Синее море, белый пароход». Жаль, прочитать с потрясениями прошлой весны в классе не успели.

Вступительное слово – и начинается постановка...

Актриса: «Геннадий Машкин. Родился 13 марта 1936 года в городе Хабаровске».

Актер первый: «Встретились мои родители на чужбине как вербованные».

Актер второй: «Ну, а в поисках нового места семья много переезжала по стране».

И закутилась, завертелась биография Геннадия Машкина в три голоса – два мужских, один женский; то словами самого писателя (чаще), то словами современников, литературоведов...

---

1 О спектакле в Культурном центре Александра Вампилова «Писательский маршрут геолога Машкина», посвященного 85-летию со дня рождения писателя Геннадия Машкина, 27 апреля 2021 г. Режиссер Наталия Маламуд. Актеры Иркутского ТЮЗ им. А. Вампилова: Наталия Маламуд, Дмитрий Иванов, Павел Матушевич.

Книги на сцене открывались, читались отрывками из автобиографического и художественного, передавались, выстраивались в домики. В какой-то момент их поставили как бы случайно в одну длинную линию, во всю кромку сцены, серые – из одного собрания сочинений. Актеры сели по разные стороны и начали вспоминать «Иркутскую стенку», песни под гитару Вампилова, первые опыты в литературе... И цепь эта от одних к другим была тоже о памяти, о тонкой связи, неяркой, но важной, которую не прервешь, не предашь, не разберешь. Так и стояла она.

И смотрели – мы, не жившие этими жизнями, не знавшие этих людей, и помнили. Как их не помнить? Вот же они – живые. Ходят по сцене, пишут рассказы, поступают вдруг на геолога, молодеют, едут на Сахалин... из книжных страниц выглядывают.

И зал небольшой, и людей много, и сидишь, не двигаешься, а все чувствуешь – и любовь к семье, и гордость за свою Родину, за малую и за большую, и любовь, и товарищество, и творчество. И стен нет, и людей нет, и ты весь свободный и наполненный. И воспринимаешь себя и мир отчетливо, как никогда.

А после темнеет сцена, актеры уходят, но не на слове «умер», потому что как можно теперь Машкину умереть – никак нельзя. А так... вдаль, как уходят домой добрые знакомые, как обнимаются с семьей перед дорогой. А нам нужно все это осмыслить, понять, но это сложно. Что нам показали? Ценность самой жизни? Что и война не делает нас врагами, а мир всегда счастливее? Что семья важна? Что любовь вечна?

Всю жизнь твою, все самое дорогое, самое тихое и самое важное, такое, что не проговорено в громких литературоведческих теориях. Но кто сидел, тот понял и почувствовал. И про христианство не было ни слова, а чувство соборности – вот, возьмите; чувство всех добродетелей – пожалуйста. И жар на пальцах, как от бабушкиной печи, и ком в горле от ее какого-то самозабвенного беспокойства, когда гулял до сумерек – помнишь? Нет? – Так держите, пожалуйста.

А потом встает брат Геннадия Машкина, тот самый Юра, который вечно болел в «Синем море, белом пароходе», и говорит, что все было, как написано в повести. И встаешь, хлопаешь, наскоро пишешь впечатления о спектакле, спускаешься обратно по тем же ступенькам, только звуки все оглохли, воздух свежий, как в детстве, и думаешь: «У меня же тоже есть брат, нужно позвонить брату. И к маме на выходные. Обязательно, к маме».